

Окно в Европу. (Ирина Сорокина) —
1998 Мариинский театр

Манон Леско» Пуччини в нынешнем сезоне Ла Скала единодушно признана одним из лучших, если не лучшим спектаклем. Все ее создатели — известные деятели театра: режиссер Лилиана Кавани, художник Данте Ферретти, дирижер Риккардо Мути. В главных ролях — «королева в итальянском репертуаре» Мария Гулегина и стремительно набирающий популярность аргентинский тенор Хосе Кура. Кажется, на этот спектакль можно идти из-за звездных имен, но его очарование именно в том, что все его создатели служат произведению Прево и Пуччини.

Работа Данте Ферретти — пример богатой фантазии и лаконизма. В конкретных местах действия оперы всякий раз улавливается намек на дальнейшее развитие событий и судьбу героев. Мир, в котором живут Манон и Де Грие, — взволнованный и бурный. Перед нами ни разу не возникнет образ упорядоченной жизни: юные любовники словно приговорены жить в тех местах, где люди бывают только временно: почтовая станция, порт, безлюдная пустыня (таков замысел режиссера Лилианы Кавани). В первом действии в глубине большого сценического пространства стоят распряженные почтовые кареты, а на первом плане молодежь предаётся веселым играм, за которыми следят путеше-

LA SCALA: СПЕКТАКЛЬ СЕЗОНА

ственники постарше и постепеннее. Именно здесь произойдет первая встреча Манон и Де Грие. Ни на одно мгновение авторы спектакля не дают публике заскучать: вся музыка обыграна, но в меру, не отвлекая внимания от свежих красот молодого Пуччини. Во II-м акте салон и спальня объединены в единое пространство: зеркальные стены мягко мерцают, над кроватью колышутся голубые перья балдахина, мебель манит удобными изгибами. И в этой красивой клетке Манон задержится ненадолго. Третье действие — порт в Гавре и самый потрясающий эпизод спектакля. Ползут клубы тумана, на пристани спят усталые люди. Несчастные любовники переговариваются через решетку; чуть позже через открывшуюся в ней дверь будут выходить приговоренные к ссылке в Америку женщины сомнительного поведения. И на первом плане Де Грие упадет на колени и вымолит у капитана свое изгнание. Заключительный акт — симфония цвета и пустоты. Над беспредельной пустыней, усеянной черными камнями, полыхает оранжевый закат. Когда Манон, мертвая, поникает на руках возлюбленного, ночь уже спус-

тилась: жизнь кончается среди темноты и холода.

В этом проникновенном зрелище, к которому, кажется, нечего добавить, есть еще и Манон Марии Гулегиной, певицы, созданной, чтобы удивлять публику и критиков. Хотя музыка и Пуччини, который хотел воплотить в ней «страсть и отчаяние», Манон — молоденькая девочка и партия ее может быть поручена более светлым голосам. Однако Марии Гулегиной с ее королевской статью и огромным голосом удастся и это перевоплощение. Она предстает в облике нежной блондинки, а голос приглушен, «спрятан», богат тончайшими оттенками: его темная роскошь проявится только там, где этого требует музыка Пуччини, в любовном дуэте второго акта или арии «Solo, perduta, abbandonata».

Марии Гулегиной часто уготована судьба держать в тени тех, кто выходит на сцену рядом с ней. Но Хосе Кура в этом спектакле особенно не везет. Красивой внешности, сценического обаяния и звучного голоса у него не отнимет никто, но он слишком статичен на сцене и музыкально нестабилен. Войдя в число первых певцов мира, Кура все

еще находится на ученическом уровне.

Высокий класс показывают все исполнители вторых и третьих ролей: Луиджи Рони — Жеронт, Лучо Галло — Леско, Марко Бетти — Эдмон, Марио Болоньези — учитель танцев, Глория Бандителли — музыкант, Эрнесто Гавацци — фонарщик. Пуччини, который проявлял особое беспокойство по поводу исполнителей неглавных ролей, остался бы доволен.

О Риккардо Мути, кажется, сказано уже все, и дифирамбы в его адрес могут показаться банальными. Он равно совершенен в Верди и Беллини, Глюке и Монтеверди. И вот теперь — Пуччини. Слова слишком слабы, чтобы передать разлив лирической стихии в первом акте, могучие валы любви и страсти в любовном дуэте второго действия, пронзающие сердце вздохи знаменитого Интермеццо. О красоте и богатстве его жеста, думается, еще будет создано нечто вроде поэмы.

«Манон Леско» в сезоне 1997/98 года останется в истории. Как пример того, что современный оперный театр, часто блуждающий в потемках экспериментов, все же еще способен представить спектакль, отмеченный чудесными индивидуальностями постановщиков и при этом не разрушающий естественную среду произведения.

Ирина СОРОКИНА